

Научная статья

УДК 81.42

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2025-1/134-145>

EDN: <https://elibrary.ru/>

Прагматическая адаптация текста в художественном ироническом дискурсе

Белошапко Анна Алексеевна

Чернышева Анна Сергеевна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. Термин «художественный иронический дискурс» описывает многоуровневое явление в лингвистике и литературоведении, где ирония служит не просто стилистическим приемом, но и средством формирования сложных смыслов в художественных текстах. Объект исследования – художественный иронический дискурс; предмет – прагматическая адаптация иронии при переводе литературных произведений. Цель работы – выявить основные приемы прагматической адаптации юмористического текста при переводе с английского языка на русский. Передача юмора при переводе представляет собой сложную задачу, требующую учета лингвистических и прагматических аспектов, таких как контекст, авторские интенции, культурные реалии и реакции целевой аудитории. Прагматический подход к переводу юмора подразумевает глубокое понимание не только языка, но и социальных и когнитивных факторов, влияющих на восприятие комического. Контекстуальная зависимость юмора делает его восприятие вариативным в разных культурах и ситуациях. Рассматривается лингвопрагматический аспект передачи юмора в произведении Стефана Кларка «Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга», анализируются переводческие стратегии и методы адаптации, использованные для передачи иронии в целевом языке.

Ключевые слова: художественный иронический дискурс, перевод юмора, прагматическая адаптация, Стефан Кларк «Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга».

Для цитирования: Белошапко А.А., Чернышева А.С. Прагматическая адаптация текста в художественном ироническом дискурсе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 1. С. 134–145. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2025-1/134-145>. EDN: <https://elibrary.ru/>

Original article

Pragmatic text adaptation in ironic fiction discourse

Anna A. Beloshapko

Anna S. Chernysheva

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. The term «ironic fiction discourse» describes a multi-layered phenomenon in linguistics and literary studies, where irony functions not only as a stylistic device but also as a means of forming complex meanings in literary texts. In this study, the object of analysis is ironic fiction discourse, while the subject of research is the pragmatic adaptation of irony in literary translations. The aim of the study is to identify the main methods of pragmatic humorous text adaptation when translating from English to Russian. Translating humor presents a complex challenge that requires consideration not only of linguistic but also pragmatic aspects, such as context, authorial intent, cultural realities, and the reactions of the target audience. The pragmatic approach to humor translation involves a deep understanding of not only the language but also the social and cognitive factors that influence the perception of comedic effects. The contextual dependence of humor makes its perception variable across different cultures and situations. This article examines the linguopragmatic aspects of conveying humor in Stephen Clarke's work «1000 Years of Annoying the French», analyzing the translation strategies and adaptation methods used to convey irony in the target language.

Keywords: Artistic ironic discourse, humor translation, pragmatic adaptation, Stephen Clarke «1000 Years of Annoying the French».

For citation: Beloshapko A.A., Chernysheva A.S. Pragmatic text adaptation in ironic fiction discourse // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17. № 1. P. 134–145. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2025-1/134-145>. EDN: <https://elibrary.ru/L>

Введение

Термин «художественный иронический дискурс» охватывает сложное и многогранное явление в рамках литературной науки и лингвистики. Это понятие применяется для описания использования иронии в художественных текстах, где она служит не просто стилистическим приемом, но и средством создания многоуровневых смыслов, которые активно взаимодействуют с читателем, вызывая у него размышления или реакции. Художественный иронический дискурс включает в себя иронию, применяемую в художественной литературе, что отличает его от обыденного или разговорного использования иронии. В литературном контексте ирония часто используется для подчеркивания противоречий между реальностью и внешним восприятием либо ожиданиями персонажей или читателей.

Объект исследования – художественный иронический дискурс; предмет – прагматическая адаптация текста в художественном ироническом дискурсе. Новизна работы заключается в том, что впервые был произведен лингвопрагматический анализ текста произведения Стефана Кларка «Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга». Помимо этого, отсутствуют публикации, анализирующие данное произведение с лингвистической точки зрения в целом. Актуальность обусловлена важностью иронического дискурса в литературе и его ро-

лю в межкультурной коммуникации. Исследование способов прагматической адаптации перевода англоязычного иронического дискурса на материале произведения Стефана Кларка «Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга» помогает глубже понять использование иронии как средства художественной выразительности. Произведения С. Кларка, сопоставляющие англо-французские культурные стереотипы, представляют интерес для анализа специфических языковых приемов.

Целью данной работы является выявление основных переводческих особенностей прагматической адаптации текста в художественном ироническом дискурсе при переводе с английского языка на русский. Задачи исследования: 1) рассмотреть понятие художественного иронического дискурса; 2) выделить основные способы прагматической адаптации текста при переводе с английского языка на русский; 3) провести анализ выборки примеров прагматической адаптации (125 примеров); 4) выявить основные переводческие способы прагматической адаптации текста. Методы исследования: количественный, лингвистического анализа, сплошной выборки и компонентного анализа.

С.И. Походнёй в работе «Языковые виды и средства реализации иронии» были выделены виды иронии в зависимости от условий и способов её реализации: ситуативная ирония, эмоционально-окрашенный тип иронии и ассоциативная ирония [1].

По мнению А.А. Горностаевой, ирония – это ценностное суждение с модальностью и скрытым отношением к объекту [2]. Обращаясь к классификации видов иронии [1], можно сделать вывод о том, что А.А. Горностаева дает определение именно ассоциативной иронии.

Дискурс, с точки зрения Э. Бенвениста, – это речевое произведение, которое возникает каждый раз, когда мы говорим; взаимодействие говорящего и слушателя, направленное на достижение коммуникативных целей. Важным аспектом широкого понимания дискурса является связь дискурса с участниками коммуникации – говорящим и слушателем, а также намерением говорящего воздействовать на слушателя через свои высказывания [3]. Ввиду того, что в данном исследовании тип дискурса является художественным, следует обратиться к классификации видов дискурса А.А. Кибрика. Он предложил разделять виды дискурса в зависимости от функциональных стилей, т.е. сфер человеческой деятельности [4]. Г.Я. Солганик характеризует художественный функциональный стиль как функциональный стиль, обладающий особой эстетической функцией, возбуждающий чувство прекрасного, где слово имеет не только то значение, что и в общем литературном языке, но и добавочное значение, связанное с художественным миром, содержанием данного произведения [5].

В научных трудах дается определение художественному и ироническому дискурсам, однако понятия именно художественного иронического дискурса в процессе исследования темы и анализа научной литературы найти не удалось. Следовательно, это определение необходимо вывести самостоятельно, обращаясь к вышеприведенным трактовкам дискурса и классификациям его видов. Таким образом, художественный иронический дискурс – речевое произведение, в

котором автор выражает скрытое истинное отношение к объекту речи, где слово выполняет эстетическую функцию и имеет не только то значение, которое предполагается литературным языком, но и то, которое связано с содержанием речевого произведения. Данное понятие представляет собой важный объект лингвистического исследования, который позволяет глубже понять механизмы создания и восприятия иронии в литературных текстах.

Основная часть

Передача юмора в процессе перевода является сложной задачей для переводчика и не ограничивается только лингвистическими и стилистическими аспектами. Важную роль играют и прагматические аспекты, которые включают в себя учет контекста, интенций автора, культурных реалий и реакции целевой аудитории. Прагматический подход к переводу юмора требует глубинного понимания не только языка, но и социальных, культурных и когнитивных факторов, влияющих на восприятие комического эффекта. Юмор часто основан на контексте, который включает в себя ситуацию, в которой происходит действие, личностные характеристики участников и их взаимоотношения. Контекстуальная зависимость юмора означает, что один и тот же шуточный элемент может вызывать смех в одном контексте и быть совершенно непонятным или даже обидным в другом. Поскольку данное исследование основано на произведении художественного иронического дискурса, интенции автора играют важную роль в понимании и передаче юмора. Часто авторы используют юмор как инструмент для критики социальных норм, политических явлений или человеческих слабостей. Переводчик должен уметь уловить эти интенции и передать их в целевом языке, сохраняя при этом оригинальный замысел и тональность.

В языкознании многие ученые старались дать наиболее точное определение лингвопрагматике. Так, Ю.С. Степанов считает, что прагмалингвистика или лингвопрагматика – это наука, изучающая оптимальный выбор языковых средств, которые обеспечивают успешность акту коммуникации и установления стойких коммуникативных связей в процессе речевого общения [6]. По мнению лингвиста Б.Ю. Нормана, лингвопрагматика – направление языкознания, изучающее употребление языка с учётом возрастных, половых, общественно-статусных и профессиональных особенностей общающихся, а также конкретных условий и целей речевого акта [7]. Данные определения имеют разную формулировку, однако их смысл является смежным. Цель применения прагматики в лингвистике – достижение успешной коммуникации путём учёта особенностей общающихся и, следовательно, выбора нужных языковых средств.

Советский и российский переводчик Н.К. Гарбовский чётко разграничивает переводческие трансформации «чистого вида» и прагматические трансформации, выбор которых зависит от контекста, ситуации общения и конечной коммуникативной цели высказывания. Прагматические трансформации он называет прагматическими преобразованиями и отмечает, что их использование влияет на весь текст в целом. Прагматическое преобразование, по мнению Н.К. Гарбовского, – это сознательное изменение переводчиком коммуникативного эффекта, к которому стремились авторы исходных речевых произведений [8]. Наиболее

существенные изменения семантических и синтаксических значений происходят в результате трансформационных операций, которые получили названия целостных преобразований (В.Н. Комиссаров), адаптаций (Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне), прагматических адаптаций (А.Д. Швейцер). Прагматически обусловленные преобразования оказываются необходимыми при переводе идиоматических выражений, а также при передаче знаков-реалий. Прагматическая адаптация, с точки зрения А.Д. Швейцера, – это внесение определенных изменений при переводе текста из-за социально-культурных, психологических и иных различий между получателем оригинального и переводного текста с целью передачи изначальной интенции автора-источника [9].

В.Н. Комиссаров в работе «Теория перевода» определяет прагматику в переводе следующим образом: прагматический аспект – это способность текста оказывать на читателя глубокое эмоциональное воздействие, вызывать определенную эмоциональную реакцию, побуждать его к каким-либо действиям [10]. Таким образом, прагматику в переводе можно назвать с учетом определённых условий, при которых сообщение достигает своего целевого эффекта в другой культуре и языке. Это включает в себя адаптацию текста к культурным нормам, ожиданиям и менталитету целевой аудитории, а также сохранение коммуникативной функции оригинала.

На основании вышеприведенного анализа прагматического аспекта передачи юмора в произведении художественного иронического дискурса можно сделать вывод о том, что для успешной передачи юмора переводчик может использовать различные стратегии и методы адаптации.

Материалом исследования послужило произведение британского журналиста и новеллиста Стефана Кларка «Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга», написанное в 2010 г. [11]. Стефан Кларк, известный своим острым чувством юмора и мастерством использования языка, создает произведение, в котором ирония служит основным инструментом для подчеркивания вечного исторического и культурного противостояния между Англией и Францией. Перевод книги был выполнен Ириной Литвиновой [12], российским переводчиком современной литературы. С. Кларк подробно изучает историю древних враждебных отношений и конкуренции между Англией и Францией, начиная со средневековья и заканчивая современностью. Он анализирует ряд ключевых событий, таких как Столетняя война, Великая Французская революция, Наполеоновские войны, две мировые войны и другие значимые моменты истории обеих стран. Книга обращается к различным аспектам отношений между Англией и Францией, включая политические, экономические, культурные и социальные аспекты, а также воздействие этих отношений на мировую политику и современное европейское общество.

В ходе анализа примеров выборки текста были выявлены следующие прагматические адаптации: целостное преобразование (86%), лексическая замена (12%) и синтаксическое уподобление (2%). Рассмотрим некоторые примеры целостного преобразования. В первую очередь стоит обратить внимание на название исследуемого произведения. В оригинале оно звучит так: «1000 Years of

Annoying the French» (1000 лет раздражения французов), в то время как в русском варианте название следующее: «Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга». Переводчик использует оксюморон, соединяя два противоположных по смыслу глагола: «любим ненавидеть». Здесь при переводе было использовано несколько переводческих трансформаций. В первую очередь стоит сказать о трансформации целостного преобразования, так как именно при помощи нее переводчик практически полностью изменяет исходное название оригинала. В оригинальном названии «1000 Years of Annoying the French» акцент делается на длительность и постоянство исторического конфликта между Англией и Францией. Переводчик изменяет угол зрения, акцентируя внимание на взаимной неприязни и делая название более эмоциональным и интригующим для русскоязычных читателей. Название «Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга» передает идею конфликта через призму эмоциональной взаимности, что усиливает интригующую и юмористическую составляющую. Переводчик адаптирует название для русскоязычных читателей, опуская фрагмент «1000 лет раздражения», поскольку первоначальное название может быть не столь ясным для русскоязычной аудитории, которая не знакома с контекстом. Следовательно, переводчик решает упомянуть в названии русской версии обе страны, об исторических и культурных конфликтах которых пойдет речь в произведении.

Фраза «to show everyone who was the boss» в контексте ситуации, когда Вильгельм Завоеватель тащил свою жену Матильду за волосы по улицам Кана, на русский язык была переведена так: «чтобы показать всем, *кто в доме хозяин*». Дословный перевод «показать всем, кто был главный» не содержит в себе столько экспрессии, сколько русское устойчивое выражение «кто в доме хозяин». Фраза «кто в доме хозяин» является неотъемлемой частью русской культуры и отражает множество аспектов исторических, социальных и культурных реалий России. Она воплощает патриархальные традиции, уважение к иерархии и лидерству, а также глубоко укоренена в языке, фольклоре и литературе. Именно эти факторы делают эту фразу специфичной и узнаваемой.

Целостное преобразование также наблюдалось в переводе названия главы «Stealing a French king's wife – not good for international relations», что дословно переводится как «Кража жены французского короля – нехорошо для международных отношений». Дословный перевод звучит недостаточно экспрессивно для произведения художественного иронического дискурса. И. Литвинова перевела его так: «Хочешь поспориться с соседом – укради у него жену». Речь в этой главе шла о том, как Генрих II женился на Элеоноре Аквитанской, которая лишь несколькими неделями ранее развелась с королём Франции Людовиком VII. Здесь прагматическая адаптация заключена в способе построения фразы в русском варианте. В русском языке есть поговорка «Хочешь поспориться с соседями – заведи козу». Суть этой поговорки заключается в том, что коза, будучи животным, способна доставлять множество неудобств соседям: может заходить на чужие участки, поедать посевы, портить заборы и создавать шум. Таким образом, заведение козы в непосредственной близости от соседей может вызвать раздражение и конфликты. Поговорка используется как метафора для описания

действий, которые намеренно или случайно вызывают раздражение и конфликты с окружающими. Поскольку название главы должно быть логически связано с её содержанием, переводчик принимает решение использовать трансформацию целостного преобразования, взяв за основу русскую поговорку, которая передаст русскоязычному читателю ироническое отношение автора к ситуации.

Следующий пример целостного преобразования присутствует в главе, где рассказывается об истории создания шампанского, – «Wines bottled in the autumn would go to sleep, as it were, during the winter», что дословно переводилось бы как «Вина, разлитые по бутылкам осенью, как бы засыпали на зиму». Однако переводчик в русской версии пишет следующее: «Вина, разлитые осенью, отправлялись, как и положено, в зимнюю спячку». В данном случае прагматической адаптацией стал фрагмент «отправлялись, как и положено, в зимнюю спячку», что было выполнено переводчиком при помощи трансформации целостного преобразования. Общеизвестным фактом является то, что в зимнюю спячку, как и положено, отправляется медведь. Адаптация под русскоязычного читателя здесь заключается в том, что медведь является неофициальным символом России и часто используется в карикатурах, эмблемах и политических карикатурах для обозначения страны. Это связано с ассоциациями медведя с мощью, силой и одновременно с некоторой неуклюжестью. Подобное сопоставление бутылок с вином и медведя является комичным.

В истории создания шампанского также был ещё один пример применения прагматической адаптации. Текст оригинала: «*It is often said that when Dom Perignon first took a gulp of fizzy Champagne, he exclaimed "I'm tasting the stars!"*» – текст перевода: «*Часто можно услышать байку*, будто Дом Периньон, сделав первый глоток шипучего шампанского, воскликнул: «Я пробую звёзды!»». Фразу «*It is often said*» (обычно говорят) переводчик переделал так: «часто можно услышать байку», используя трансформацию целостного преобразования. В древности «баи» или «баяны» были профессиональными рассказчиками и певцами, которые передавали истории, мифы и легенды. Эти люди пользовались уважением и играли важную роль в сохранении культурного наследия. Например, словом «баян» называли сказителя и певца в древней Руси. В современном русском языке «байка» обычно означает забавную, поучительную или просто интересную историю, часто с элементами вымысла или преувеличения. Слово несет в себе оттенок легкой недостоверности, что делает его хорошим вариантом для описания вымышленных историй.

Целостное преобразование использовалось при переводе главы «Cousin, cousine», в которой рассказывалось о том, как у Марии, королевы Шотландии, умерла двоюродная тётя, тоже Мария. После этого трон отошел к Елизавете I, но католики, включая французское королевское семейство, были против данного обстоятельства, так как Елизавета была незаконнорожденной. В русском варианте эта глава называется «Ох, уж эти родственники». Переводчик воспользовался данной трансформацией, поскольку дословно «Cousin, cousine» при переводе с французского означает «Двоюродный брат, двоюродная сестра». Такое преобразование является прагматической адаптацией под русскоязычного чита-

теля, так как семейные отношения в русской культуре занимают особое место и семейные связи часто бывают очень тесными и сложными. В русской культуре принято поддерживать крепкие семейные связи, что может приводить к частым взаимодействиям и, соответственно, к конфликтам или раздражениям. Исторически многие поколения одной семьи жили вместе или очень близко друг к другу, что порождало много поводов для взаимодействий и, следовательно, для использования этой фразы.

Приведем еще один пример: «If Harold became King of England and thereby provoked the covetous William, the two unfortunate Godwins languishing in Norman dungeons *were bound to get their rations, or worse things, cut*», что в переводе Ирины Литвиновой звучит так: «Если бы Гарольд стал королем Англии, что непременно разозлило бы жаждущего власти Вильгельма, двум несчастным Годвинам, томящимся в нормандских застенках, *пришлось бы туго*». В 1051 г. Вильгельм Завоеватель взял в плен двух графов Годвинов, которые были претендентами на английский престол, так как Эдуард Исповедник не оставил после себя наследников. Конечно же, Вильгельм старался устранить других претендентов на английскую корону, поэтому графов ждала только смерть в плену у нормандцев. Дословный перевод фразы «*were bound to get their rations, or worse things, cut*» звучит следующим образом: «им должны были урезать рацион или что-нибудь похуже». Переводчик подобрала вариант целостного преобразования – *пришлось бы туго* – как раз с юмористическим намеком на то, что судьба графов является очень незавидной. Данный вариант адаптации воспринимается русским читателем намного лучше, чем дословный перевод текста оригинала.

Следующим способом прагматической адаптации художественного иронического дискурса является трансформация лексической замены, когда единица текста оригинала не совпадает с единицей текста перевода, так как переводчику необходимо подобрать более выразительный эквивалент, который поможет понять читателю юмористическую задумку автора. Так, например, перевод причастия как «*assassinated*». Словарное значение глагола «*to assassinate*» – убить важную или известную персону по политическим мотивам. Литвинова перевела его так: «*отправят к праотцам*». Таким образом переводчик делает юмористический акцент на том, что Вильгельм решил не ждать, пока его убьют, и сам преследовал своих агрессоров. «Праотцы» здесь служат ироническим намёком на то, что почти никто из прежних правителей, в том числе предков Вильгельма, не умирал своей смертью, и Вильгельм может тоже «отправиться к ним». Прагматический аспект перевода состоит в данном случае в том, что русская культура и язык восходят к древнеславянским временам, когда существовали свои религиозные и духовные верования. Понятие «праотцы» связано с культом предков, который был важной частью славянской культуры. Предки почитались и считались защитниками рода, поэтому выражение «отправить к праотцам» означает отправление человека в мир предков, т.е. к его корням. Более того, в православии смерть рассматривается как переход в иной мир, где душа соединяется с предками.

Прагматическая адаптация также была использована с переводом фразы «*to say rude things*», когда речь шла о Гарольде Годвинсоне, выходец из семьи, которая всегда нелестно отзывалась о нормандах: «For a man whose family had spent twenty years *saying rude things* about the Normans, Harold Godwinson now did a remarkably rash thing». Поскольку в любом обществе язык развивается и отражает социальные отношения и взаимодействия, критика и оскорбления были и остаются частью человеческого общения. В русском языке есть такой глагол *поносить* (поругание, оскорбление); именно его использует Ирина Литвинова в переводе при помощи трансформации лексической замены: «Для выходца из семьи, которая годами *поносила* нормандцев, Гарольд Годвинсон совершил весьма безрассудный поступок».

Другой пример – название главы, где речь идет о начале Столетней войны, а именно о наступлении англичан во Францию. «Annoying the French for fun and profit» – так звучит заголовок в тексте оригинала, а в тексте перевода – «Позлить французов ради забавы и *барышей*». «Барыши» – это слово, которое редко используется в повседневной речи современного человека. Архаизмы часто воспринимаются как комические, потому что они звучат как неуместные или устаревшие в контексте современного общения. Это создает эффект легкого несоответствия, который может показаться забавным. Слово «барыши» происходит от древнерусского слова «барышъ» (бариш), которое использовалось в значении «прибыль, доход, выгода». Использование этого архаизма, который переводчик добавляет в русское название главы при помощи трансформации лексической замены, и становится примером прагматической адаптации.

Лексическая замена использовалась переводчиком в следующем примере: «It was even rumored that Edward had taken his vow of celibacy just *to frustrate* Godwin». В середине XI в. эрл Годвин, будучи представителем богатого англосаксонского рода, поддержал восхождение на трон Эдуарда Исповедника и выдал за него замуж свою дочь Эдиту. Могущество Годвина не устраивало не только англосаксонскую знать, но и самого Эдуарда, который путем политических интриг в итоге лишил Годвина его богатства и власти. В переводе Ирины Литвиновой предложение звучит следующим образом: «Поговаривали даже, что Эдуард дал обет целомудрия исключительно для того, чтобы *насолить* Годвину». В данном примере, используя глагол «насолить» вместо дословного значения английского глагола *to frustrate* «разрушить планы», переводчик как раз делает акцент на том, что, помимо лишения денег и авторитета, Эдуард еще лишил своего врага наследников.

Еще один способ прагматической адаптации художественного иронического дискурса, выделенный в данной работе, – синтаксическое уподобление. Нужно отметить, что данная трансформация редко встречалась в тексте перевода, однако она также необходима для достижения юмористического воздействия на читателя. Можно привести пример в переводе названия главы «*Boogeyman comes to Casablanca*», где речь идет о том, как Шарль де Голль во время Второй мировой войны отказался обсуждать будущее Европы и Африки, которое напрямую зависит от французских территорий, а эта дискуссия проходила в Касабланке.

«Boogieman comes to Casablanca» дословно переводится как «Чудовище приехало в Касабланку». Однако переводчик делает следующий заголовок: «Бука приезжает в Касабланку». В данном случае слово «boogeypman» можно было перевести разными словами: чудище, пугало, страшилка, бабайка и т.д., так как в общем значении подразумевается воображаемый злой человек, причиняющий вред детям. Прагматическая адаптация заключается в том, что Шарль де Голль не хотел никого пугать в этом контексте, особенно детей. В русском языке у слова «бука» есть второе значение – угрюмый, недружелюбный и нелюдимый человек. Именно это значение подходит под описываемую ситуацию, поэтому И. Литвинова включает в перевод слово «бука». Ирония в языке перевода заключается в том, что существительное «бука», когда речь идёт о взрослом человеке и тем более генерале, звучит слегка несурезно и забавно.

Во время правления Эдуарда Исповедника нормандская знать пользовалась благосклонностью короля. Однако один из эрлов, Годвин, имел большой авторитет среди англосаксонских баронов. В 1051 г. в городе Дувре произошла драка между нормандцами и англосаксами, и король потребовал наказать горожан. Годвин не просто отказался подчиниться приказу короля, но и объявил войну иноземцам, которым пришлось покинуть страну. К этой ситуации относится предложение «Godwin demanded that the foreign courtiers *be sent home*, and Edward was forced to comply», которое в переводе звучит как «Годвин потребовал, чтобы придворные-иностранцы *отправились восвояси*, и Эдуарду пришлось подчиниться». В русском языке фраза «уйти восвояси» имеет значение «уйти домой; уйти туда, откуда пришел», что перекликается с дословным переводом фразы «*to be sent home*» – отправить домой. Таким образом, Ирине Литвиновой удалось усилить юмористический эффект, понятный русскому человеку, сохранив синтаксическую структуру предложения при переводе.

Рассмотрим еще один пример: «Moreover, William knew that he might not have to do *much fighting*». В переводе на русский язык это звучит следующим образом: «Более того, Вильгельм и сам знал, что вторжение можно осуществить *малой кровью*». Здесь речь идет о Нормандском завоевании Англии Вильгельмом I, который склонял английских баронов к вассальной клятве верности, и, соответственно, завоевание обошлось с наименьшими финансовыми и человеческими затратами, а также обеспечило Вильгельму легитимность власти. В восприятии русского читателя фраза «малой кровью» создает понимание того, что Вильгельм мог осуществить свой план без большого количества сражений и кровопотери.

Заключение

На основе работ по изучению дискурса Э. Бенвениста, понятия художественного дискурса Г.Я. Солганика и классификации видов дискурса А.А. Кибрика было сформулировано определение понятия «художественный иронический дискурс». Это речевое произведение, в котором автор выражает скрытое истинное отношение к объекту речи, где слово выполняет эстетическую функцию и имеет не только то значение, которое предполагается литературным языком, но и то, которое связано с содержанием данного произведения. Прагматическая

адаптация текста в художественном ироническом дискурсе представляет собой важный инструмент для обеспечения точности и эффективности перевода. Примеры, представленные в данном исследовании, подтверждают, что применение различных переводческих методов и глубокое понимание культурного контекста способствуют сохранению и даже усилению комического эффекта, делая перевод более живым и эмоционально насыщенным. Анализ выборки показывает, что в большинстве случаев прагматическая адаптация текста достигается посредством целостного преобразования переведенной единицы (86%). Данный прием чаще используется при прагматической адаптации текста, потому что он позволяет эффективно передать смысл и юмор, учитывая культурные различия; обеспечивает гибкость в переводе, сохраняя комический эффект и естественность текста, что важно для адекватного восприятия в другой культуре. Лексическая замена встречается реже и составляет 12%. Наименее часто используется синтаксическое уподобление (2%), которое заключается в выборе слова в переводе с английского языка на русский, обладающего иным значением в русской культуре, при этом синтаксическая структура предложения сохраняется.

Прагматическая адаптация выполняется при помощи различных переводческих трансформаций, но отличие от обычного, понятного для иноязычного читателя перевода состоит в том, что при прагматической адаптации текста учитываются культурные особенности и другие аспекты. Более того, русский язык намного более выразителен, чем английский, и к некоторым выражениям при переводе можно подобрать такой эквивалент, который добавит юмор в текст перевода, даже если в тексте оригинала так не было задумано, так как художественный иронический дискурс не ограничивает использование комической интенции автора. Практическая значимость работы заключается в использовании полученных результатов в разных областях, связанных с переводом художественных текстов и межкультурной коммуникацией. Результаты исследования могут применяться при составлении курсов по теории и практике перевода художественных текстов, а также при разработке рекомендаций/переводческих стратегий для перевода текстов художественного иронического дискурса и способов прагматической адаптации перевода текстов.

Список источников

1. Походня С.И. Языковые средства и виды реализации иронии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Софья Ивановна Походня. Киев, 1984. 217 с.
2. Горностаева А.А. Ирония как компонент английского стиля коммуникации: монография. Москва: Маска, 2013. 240 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / ред.-сост. Ю.С. Степанов; пер. Ю.Н. Караулов. Москва: Едиториал УРСС, 2002. 436 с.
4. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
5. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие. Москва: Флинта, 2003. 252 с.
6. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сб. ст. Москва: РГГУ, 1995. С. 33–73.

7. Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск: БГУ, 2009. 183 с.
8. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 387 с.
9. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. Москва: Наука, 1988. 215 с.
10. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-в и фак. иностр. яз. Москва: Высшая школа, 1990. 253 с.
11. Clarke S. 1000 Years of Annoying the French. UK: Black Swan, 2010. 761 p.
12. Кларк С. Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга / пер. с англ. И. Литвинова. Москва: Рипол Классик, 2013. 479 с.

References

1. Pokhodnya S.I. Linguistic means and types of realization of irony: dis.... candidate of Philological Sciences: 02.10.04 / Sofya Ivanovna Pokhodnya. Kiev; 1984. 217 p.
2. Gornostaeva A.A. Irony as a component of the English style of communication: a monograph. Moscow: Mask; 2013. 240 p.
3. Benveniste E. General linguistics / ed.-comp. Yu.S. Stepanov; trans. Yu.N. Karaulov. Moscow: Editorial URSS; 2002. 436 p.
4. Kibrik A.A. Mode, genre and other parameters of the classification of discourses. *Questions of linguistics*. 2009; (2): 3–21.
5. Solganik G.Ya. Stylistics of the text: textbook. Moscow: Flint; 2003. 252 p.
6. Stepanov Yu.S. Alternative world. The discourse. The Fact and the principle of Causality. *Language and science of the end of the XX century: collection of articles*. Moscow: RGGU; 1995. P. 33–73.
7. Norman B.Y. Linguistic pragmatics (based on the material of Russian and other Slavic languages): course of lectures. Minsk: BSU; 2009. 183 p.
8. Garbovsky N.K. Theory of translation: textbook and workshop for universities. 3rd ed., ispr. and add. Moscow: Yurayt; 2024. 387 p.
9. Schweitzer A.D. Theory of translation: Status, problems, aspects. Moscow: Nauka; 1988. 215 p.
10. Komissarov V.N. Theory of translation (linguistic aspects): studies. for in-tov and fac. foreign language. Moscow: Higher School; 1990. 253 p.
11. Clarke S. 1000 Years of Annoying the French. UK: Black Swan; 2010. 761 p.
12. Clark S. England and France: we love to hate each other / translated from English by I. Litvinov. Moscow: Ripoll Classic; 2013. 479 p.

Информация об авторах:

Белошапко Анна Алексеевна, бакалавр, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, anna.beloshapko29@vvsu.ru

Чернышева Анна Сергеевна, канд. ист. наук, доцент каф. межкультурных коммуникаций и переводоведения, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Chernysheva.Ann@vvsu.ru; DOI: <https://orcid.org/0000-0003-2224-472X>

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2025-1/134-145>

EDN: <https://elibrary.ru/>

Дата поступления:
15.07.2024

Одобрена после рецензирования:
19.07.2024

Принята к публикации:
15.10.2024